

Об авторе книги

Александр Давидович Швейцер, несомненно, одна из ярких фигур в блестящем созвездии зачинателей отечественного переводоведения второй половины прошлого века, славной когорты выпускников легендарного Военного института иностранных языков, запомнившейся такими именами, как Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, да и многими другими, на перечисление которых здесь не хватит и места.

А.Д. Швейцер – достойный представитель теперь уже почти целиком ушедшего от нас поколения юных участников Великой Отечественной войны – военный переводчик-фронтвик, прошагавший по суровым дорогам войны не одну тысячу километров.

Закончив в Москве школу с углубленным изучением английского языка, Саша Швейцер в августе 1941 г. был сразу принят на 2-й курс Военного факультета западных языков, формально состоявшего при 2-м МГПИИЯ, а фактически самостоятельного военно-учебного заведения, легшего в основание будущего ВИИЯ КА.

Именно тогда, всего два месяца после начала войны мне довелось познакомиться с Сашей. Это знакомство положило начало дружбе, продолжавшейся шесть долгих десятилетий. 2-й курс Военного факультета, естественно, в основном состоял из слушателей, начавших учебу еще в 1940-м году, когда в высшие учебные заведения Красной Армии принимались только люди, уже состоявшие на военной службе. Таким образом, наш курс четко делился на две «социально-психологические группы», которые условно можно назвать группой старослужащих и группой школьников. В составе первой группы были не только рядовые и младшие командиры, отслужившие действительную, но даже носители «шпал» (интендант 3-го ранга, старший политрук), по нынешней табели о рангах – капитаны, одним словом, люди весьма зрелые, обладавшие не только солидным жизненным опытом, но и успевшие принять участие в вооруженных конфликтах того времени — Польской кампании 1939 г, Зимней войне с Финляндией, боях на Дальнем Востоке у озера Хасан и реки Халхын-гол.

Саша Швейцер, как и автор этих строк, входили во вторую группу – это были собственно вчерашние школьники и школьницы, студенты и студентки младших курсов в возрасте от 16 до 20 лет, большей частью из благополучных городских семей, едва ли сталкивавшиеся до этого не только с военными испытаниями, но даже со сколько-нибудь серьезными житейскими трудностями.

К чести тогдашней армии надо сказать, что между этими двумя группами не было не только никакого антагонизма, но даже намек на отчуждение – старшие приняли зеленую молодежь как своих младших братьев и сестер,

В начале октября 1941 года над Москвой нависла реальная угроза захвата гитлеровским вермахтом, войск на ее оборону, несмотря на все усилия, не хватало, но несмотря на это, командование приняло дальновидное решение – эвакуировать военный факультет, этот питомник переводческих кадров Красной армии, в глубокий тыл, в город Ставрополь-на-Волге. (Преемником этого старинного русского города, почти целиком ушедшего на дно Куйбышевского водохранилища, сейчас является автоград Тольятти).

В своих кратких мемуарах Александр Давидович, к сожалению, не счел возможным описать этот весьма значимый период своей жизни. Поскольку мне довелось в это время провести с ним вместе около полутора лет, считаю своим долгом хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Как протекала жизнь тогдашнего слушателя (так в то время официально именовались курсанты высших военно-учебных заведений)? Естественно, каждый день шли интенсивные занятия по всем аспектам изучаемого языка, которые вели преподаватели самой высокой квалификации, у англичан это были, например, З.М. Цветкова, В.Д. Аракин, д-р Нельсон и другие, у которых молодежи, действительно было чему поучиться. Большое внимание, естественно, уделялось теоретическому и практическому изучению военного дела и специальным предметам – организации вооруженных сил Гитлеровской Германии, военному переводу, военному страноведению и другим. Среди специалистов этого профиля нельзя не назвать выдающегося лексикографа-полиглота Александра Михайловича Таубе, автора целого ряда военных словарей. Конечно, немалое место отводилось и обязательным в то время политическим предметам – истории ВКП(б) с обязательным конспектированием трудов классиков марксизма-ленинизма, а

также основам партполитработы в РККА (сокращенно ППР – «посидели, поговорили и разошлись»).

Занятия проходили в наскоро переоборудованном здании созданной еще до революции кумысолечебницы для больных туберкулезом. Кстати, последние запасы кумыса по рекомендации врачей было решено распределить среди учащихся и персонала в качестве добавки к скудному продовольственному пайку.

Большое место в повседневной жизни слушателей занимала физподготовка – кросс, (зимой — бег на лыжах), марш-броски (с преодолением условно зараженных участков в противогазах), метание гранат, изредка (берегли патроны) – стрельбы. О строевых занятиях напоминать не приходится, как же без них? Ко всему этому прибавлялась караульная и внутренняя служба, и, главное – работы по собственному жизнеобеспечению, из которых наиболее запомнившейся была рубка деревьев в лесу, их доставка на лошадях в расположение и разделка на дрова.

Размещался мужской состав нашего 2-го курса в небольших бревенчатых домиках, ранее принадлежавших местному лесхозу, внутри которых, в целях экономии тепла, слушатели размещались как можно плотнее, на двухъярусных дощатых нарах. Всю долгую зиму источником света служила – также и при выполнении домашних заданий – единственная обыкновенная керосиновая лампа, стеклянный колпак которой был, пожалуй, самым драгоценным предметом в слушательском быту.

Скученность, холод, недоедание не в состоянии были подорвать молодой задор слушателей. Даже в суровые времена драматических потерь и поражений 1941-1942 гг. ни у кого не возникало и малейшего сомнения в окончательной победе нашего народа, в близком коренном переломе в ходе войны. У всех была одна мечта – скорее на фронт, самому принять участие в решающих битвах, применить на практике свои не столь уж обширные, но так необходимые в боевых условиях знания!

Саша запомнился своей доброжелательной приветливостью, неистощимым юмором. Он был непременным участником факультетских вечеров отдыха, которые тогда еще не назывались капустниками (это слово вошло в широкий оборот позднее). Коронным номером Швейцера была декламация пародий популярного довоенного пародиста Архангельского, в основном на стихи Маяковского, к примеру: «У самого моря жил рыбак./ Направо – море, налево – дом. /Каждое утро рыбак натошак/ рыбу ловил не-во-дом ...». Без малого семьдесят лет прошло, а не забылось!

Осенью 1942 г. по действовавшим тогда правилам, всем молодым слушателям, проучившимся к тому времени больше года, были присвоены первичные воинские звания – «техник-интендант 2-го ранга». Сейчас это звучит весьма экзотично, но тогда всем было ясно – два «кубаря», то есть лейтенант, хотя и не строевой. Но, как известно, в начале 1943 г. в РККА были введены погоны, а с ними и упорядочена система воинских званий. Исчезли всякие воентехники и военфельдшеры, их заменили лейтенанты соответствующих служб, с двумя маленькими звездочками на погонах. Подвергли переаттестации и нашу братию — техников-интендантов. И тут вдруг нас ожидали сюрпризы – несколько человек, в том числе и Саша Швейцер, удостоилось звания строевых лейтенантов, без неблагозвучной добавки «административной службы». Это означало право на ношение широких золотых, а не узких серебряных погон! Правда, на самом деле всем приходилось довольствоваться наспех кустарно изготовленными полевыми погонами из защитного сукна, но все же, все же ... Саша стал объектом некоторой зависти и сразу выиграл в глазах однокурсниц на фоне прочей массы.

По учебе Швейцер был одним из лучших на курсе, о его блестящих познаниях в английском языке ходили легенды. Кроме того, он учился в одной из немногих тогда двуязычных групп (под номером 23а), где наряду с основным, английским, преподавался и суперактуальный в те времена немецкий язык. Именно благодаря знанию немецкого он и был отправлен летом 1943 г. на фронт, на зависть многим соученикам. Спустя без малого полтора года я к своей великой радости вновь встретился с ним на 3-м Белорусском фронте в Восточной Пруссии, куда прибыл на боевую стажировку в 48-ю армию, в штабе которой в это время был переводчиком старший лейтенант Швейцер. Но это уже другая история ...

После войны выдающиеся знания Александра Давидовича проявились в полной мере и были оценены по достоинству. В переводчики (в значении INTERPRETER) мирового класса он выдвинулся во время заседаний Международного военного трибунала в Токио. О его ответственной работе на различных международных встречах высоко уровня он в своем

неподражаемом правдивом стиле сам повествует в настоящем издании. Лучше его – не расскажешь.

Мне довелось работать с ним бок о бок в кабине синхрониста не одно десятилетие, и на родине, и за рубежом. Самый объективный критерий качества синхронного перевода, это – его восприятие коллегой при работе через «осевой язык». Могу заявить со всей ответственностью – переводить «за Швейцером» было настоящим профессиональным наслаждением: кристальная ясность смысла, безукоризненная четкость формулировок, артистическая дикция. Высокий образец для подражания! Действительно, можно лишь позавидовать его ученикам (кстати, одним из них был прославленный переводчик генсеков Виктор Михайлович Суходрев).

Став в дальнейшем одним из ведущих ученых страны в области переводоведения и социолингвистики, А.Д. Швейцер еще долго оставался практикующим переводчиком, подтверждая известную истину, что настоящим профессором хирургии может быть только оперирующий хирург. Почему-то некоторые коллеги-филологи еще недавно считали, что устный перевод несовместим с достоинством профессора. Слава Богу, благодаря примеру таких переводчиков-ученых как Швейцер, его сподвижники Г.В. Чернов, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев и другие, этот предрассудок уходит в прошлое.

После некоторой интермедии на издательско-переводческом поприще в «Воентехиниздате» (специализация – издание инструкций к советской военной технике, передаваемой армиям дружественных государств в третьем мире), Александр Давидович окончательно связал свои профессиональные перспективы с научно-педагогической деятельностью. Он преподавал перевод и другие лингвистические дисциплины в ВИИЯ КА и 1-м МГПИИЯ им. Мориса Тореза, позднее преобразованном в МГЛУ, где одно время возглавлял кафедру устного перевода на факультете повышения квалификации переводчиков. Кандидатскую диссертацию он защитил в 1950 г., докторскую – в 1972, уже будучи старшим научным сотрудником сектора социолингвистики Института языкознания АН СССР.

Научное наследие А.Д. Швейцера вошло в золотой фонд отечественной лингвистической науки, существенно обогатив, по крайней мере, два актуальных направления – социолингвистику и теорию перевода. В каждом из этих разделов имя Швейцера представлено, помимо прочего, несколькими монографиями (см. библиографию).

Заканчивая эту небольшую вводную статью, хочу особо отметить человеческие качества незабвенного Александра Давидовича – целеустремленность и твердость в достижении поставленных задач, интеллектуальная широта и любознательность, открытость для дискуссий, дружелюбие и неистребимый юмор. А стержнем всей его профессиональной деятельности всегда была неразрывная связь теории с практикой, сочетания высокого полета научной мысли и умения мгновенно решать сиюминутные головоломки острейших профессиональных ситуаций в переводе (и в жизни, добавим от себя).

Александр Давидович Швейцер в прямом смысле слова один из тех, к кому следует отнести высказывание советского поэта: вот «делать жизнь с кого».

М.Я. Цвиллинг,
*кандидат филологических наук, профессор МГЛУ,
заведующий кафедрой теории, истории и критики перевода.*